
Александр Зельгейм
Эхо зоны.
Книга первая

Александр Зельгейм
Эхо зоны. Книга первая

https://litres.ru/74827812
SelfPub; 2026

Аннотация

Что делать, если твой единственный шанс выжить — там, где умирают даже сильнейшие?

Алина, смертельно больная девушка, отказывается умирать в стерильной палате. Она уходит в Зону Отчуждения — мир ржавых руин, ядовитого тумана и смертельных аномалий. Её цель — легендарная «Слеза Зоны», способная исцелить любую болезнь.

В компании старого сталкера Деда Пихто она учится читать знаки смерти. Но, шагнув в «Прорыв», Алина теряет прежний облик: её кожу оплетают серебристые светящиеся вены, а в глазах отражается сама Бездна. Она становится Эхом Зоны, слышащим голоса мертвых и видящим невидимое.

Это не просто история о выживании. Это психологическая драма о встрече со своими демонами и цене, которую мы платим за жизнь. Первая книга цикла.

Александр Зельгейм
Эхо зоны. Книга первая

ЭХО ЗОНЫ

ПРАВОВАЯ ОГОВОРКА И ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРСКИХ ПРАВАХ

Настоящая книга «Эхо Зоны» является **оригинальным авторским художественным произведением**, созданным в жанре постапокалиптической фантастики.

Все тексты, включенные в данный сборник, представляют собой самостоятельные сюжеты. Использование термина «Зона» и общих жанровых концепций (аномалии, артефакты, сталкеры) является художественным приемом, неразрывно связанным с жанром постапокалипсиса, и не является переработкой (производным произведением) какой-либо конкретной игры, книги или фильма.

Данное произведение **не является производным (фанатским) творчеством (фанфиком)**. Все персонажи, сюжетные линии, развитие характеров, философские концепции и смысловое наполнение текстов являются полностью оригинальными и созданы исключительно творческим трудом автора. Охраняемые законом элементы (персонажи, уникальные сюжеты, названия) из вселенной S.T.A.L.K.E.R. и других произведений не заимствованы.

Все события и персонажи являются художественным вымыслом. Совпадения с реальными людьми, организациями или событиями случайны.

ВСТУПЛЕНИЕ ОТ АВТОРА

Дорогой читатель!

Эта книга родилась из тишины, которая звучит громче крика. Из холода, который согревает. Из боли, которая исцеляет.

Мы не хотели писать ещё одну историю о Зоне. Мы хотели создать мир, который дышит, пахнет и звучит. Мир, где каждая аномалия — это слеза, каждый мутант — это страх, а каждый артефакт — это воспоминание.

Это история о том, как одна женщина решила войти в Зону, чтобы встретиться со своей тьмой. И о том, как она нашла в ней свет. И любовь.

Мы провели долгие часы, выверяя каждую сцену, каждую реплику, каждый вздох героев. Мы хотели, чтобы вы не просто прочитали книгу, а прожили её. Чтобы Зона стала для вас не декорацией, а живым существом, которое смотрит, дышит и ждёт.

И если ты, читатель, закроешь эту книгу и почувствуешь, как где-то в груди загорается искра — значит, мы сделали всё правильно.

Добро пожаловать в Зону. Она уже ждёт тебя.

Фантазёр и его Искра

2026 год

Предисловие к первой книге

«Слеза сталкера» — это история о начале. О том, как человек, стоящий на пороге смерти, делает первый шаг в неизвестность. Это книга о страхе и о том, как его преодолеть. О боли, которая становится топливом для движения вперёд.

Мы хотели показать, что Зона — не просто место на карте. Это состояние души. Каждый, кто входит в неё, встречается с собственными демонами. И только те, кто не отводит взгляд, могут найти свет.

Добро пожаловать в Зону. Она уже ждёт тебя.

Фантазёр и его Искра

Книга первая. Слеза сталкера

«Тот, кто однажды услышал голос Зоны, уже никогда не сможет забыть его. Он будет звучать в тишине, в шорохе ветра, в каждом ударе сердца. И когда ты закроешь глаза, ты увидишь её — серую, живую, бесконечную. Она не прощает. Она только даёт шанс. Один. На всю жизнь.»

Из дневников неизвестного сталкера

Пролог. Сны до рождения

Ей снился холод. Не тот, что проникает под кожу, а тот, что живёт внутри — в костях, в памяти, в самом дыхании. Она стояла в белой комнате, где стены были сделаны из тумана, и смотрела на своё отражение в зеркале, которого не было. Отражение улыбалось ей, но глаза его были пустыми — как у куклы. И в этих глазах она видела себя — маленькую девочку, которая боялась темноты.

— Ты боишься, — сказало отражение.

— Нет, — ответила она.

— Лжёшь. Ты боишься, что твоя жизнь ничего не значит. Что ты умрёшь, и никто не заметит. Что ты — просто ещё одна смерть в бесконечной череде.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Вместо этого она почувствовала, как пол под ногами становится мягким, как болото, и она начинает проваливаться. Она пыталась схватиться за что-то, но вокруг не было ничего — только туман и пустота.

— Но я не дам тебе умереть, — сказало отражение. — Я сделаю тебя частью себя. Ты станешь моим голосом.

— А если я не хочу? — спросила она, и её голос дрогнул.

— Тогда ты исчезнешь. Навсегда. Никто не вспомнит твоего имени. Никто не вспомнит твоего лица. Ты просто растворишься в тишине.

Она проснулась с криком. Вокруг была тишина, и только сердце колотилось где-то в горле. Алина провела рукой по лицу — оно было мокрым от слёз. Она не знала, что это был

за сон. Но она знала, что он был прав.

Часть первая. Бегство от смерти

Глава 1. Та, что ушла

Больничные стены пахли хлоркой и смертью. Этот запах въелся в кожу, в волосы, в саму память так глубоко, что Алина перестала его замечать — он стал частью неё, как и тиканье капельницы, как и белые простыни, как и мягкое, настойчивое жужжание аппаратуры, которая считала её последние дни.

Она сидела на подоконнике и смотрела в окно. Киевское небо было серым — не тем благородным серебром, что бывает в стихах, а тусклой, болезненной пеленой, которая давит на виски и напоминает, что солнце не для всех. За стеклом шёл мелкий, нудный дождь, и капли, собираясь в ручейки, стекали по стеклу, словно слёзы самого города.

Внизу, на больничном дворе, стояла старая липа. Её ветви, голые и чёрные, тянулись к небу, как пальцы утопающего. Алина смотрела на неё и думала: «Даже это дерево живёт дольше меня. Оно видело столько зим, а я не увижу и одной».

За спиной — палата на четверых. Две койки пустовали: одну освободили вчера, другую — неделю назад. Третью занимала пожилая женщина с тусклыми глазами, которая уже не узнавала дочь, приходящую каждый день. Её звали Анна Степановна. Она была учительницей русского языка и лите-

ратуры. Алина знала это, потому что Анна Степановна часто бормотала стихи во сне — обрывки Есенина, Блока, Ахматовой. А четвёртая койка — её. С табличкой «Лейкоз. Острая форма. Прогноз неблагоприятный».

Алина провела пальцем по стеклу. На нём остался тонкий, полупрозрачный след — будто она пыталась нарисовать что-то, что не умела выразить словами. Где-то внутри, глубоко под слоями химиотерапии, бессонницы и серого отчаяния, ещё теплилась искра. Маленькая, но упрямая.

«Интересно, — подумала она. — Когда человек умирает, он это чувствует? Или это просто — как выключить свет? Я бы хотела, чтобы это было как засыпание. Без боли. Без страха. Просто — темнота. Но почему-то мне страшно не умереть. Мне страшно, что я так и не узнаю, что такое — жить по-настоящему.»

Она вспомнила, как впервые услышала диагноз. Доктор Морозов — сухой, выбритый до синевы мужчина с глазами уставшей лошади — говорил с ней на «вы», будто она уже была не человеком, а клиническим случаем. В его кабинете пахло спиртом и бумагой. На столе лежала старая пепельница, полная окурков.

— Алина Сергеевна, ваше состояние тяжёлое. Мы сделали всё возможное. Шансы минимальны. У вас, возможно, полгода. Может быть, чуть больше.

Она тогда не заплакала. Не закричала. Она просто спросила:

— А меньше?

Врач удивлённо поднял бровь.

— Простите?

— Меньше. Если я не буду лечиться здесь. Если уйду. Сколько у меня времени?

Он посмотрел на неё, как на сумасшедшую. Но она не была сумасшедшей. Она просто поняла одну вещь, которую он, с его дипломами и стажем, не мог понять: **она не хотела умирать в этой комнате. Она хотела выбрать, как уйти.**

«Странно, — думала она тогда. — Всю жизнь я лечила людей, помогала им принимать смерть. А теперь я сама должна принять свою. Но я не хочу. Я хочу бороться. Даже если это смешно. Даже если это бесполезно.»

В дверь постучали — коротко, сухо, по-военному. Алина даже не обернулась. Она знала, кто это. Только один человек умел стучать так — будто стучался сам долг.

— Войдите, пап.

Полковник Сергей Иванович Руденко вошёл в палату, и комнату будто наполнило морозным воздухом. Высокий, с плечами, которые не согнули ни годы, ни звания, с лицом, вырезанным из камня и выветренным ветрами. Его руки — большие, мозолистые, привыкшие к оружию, — держали пакет с фруктами. Единственное, что он умел приносить в больницу. Слова любви он хранил в груди, застёгнутой на пуговицы.

— Дочка, — сказал он, и голос его дрогнул на одну тысячную секунды.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.